

ТВОРЧЕСТВО и биография Александра Степановича Грина связаны не только с югом, но и с другими местами нашей Родины, хотя у большинства читателей имя писателя вызывает в памяти прежде всего Причерноморье.

Пребывание А. Грина на Карельском перешейке отмечается в литературе о нем, главным образом, в связи с его кратковременной высылкой из Петрограда в конце 1916 года, когда он выбрал себе местом жительства поселок в 72 верстах от Петрограда (повидимому, Заходское), из которого ушел «пешком на революцию», то есть в Петроград, в феврале 1917 года.

А. Грин выбирает этот поселок, повидимому за красоту природы и удобства железнодорожного сообщения, позволяющего ему бывать и в Выборге, и в Петрограде. Писатель продолжает работать. О рассказе «Враги» и о своей жизни он пишет редактору журнала «Огонек» В. А. Бонди: «Посылаю Вам рассказ, кажется, на этот раз — не из плохих... Честное слово — я не мог переписать рассказ на машинке, потому что у нас, в лесу, их нет, а я прихворнул и в город не ездил. Зайду с Вашего разрешения, во вторник, 20-го».

Александр Степанович в очерке «Пешком на революцию» не пишет ничего о том, почему он оказался на Карельском перешейке, не называет даже станции, возле которой (в лесу, в 10 минутах ходьбы) жил. Очерк написан им почти как рассказ, последовательно, от одного эпизода к другому, с возрастающим напряжением. Узав о начале Февральской революции и о том, что на станции стоит поезд до Солнечного, Грин надевает пальто, шляпу, берет в дорогу «2 кило баранок, булку и 1/4 фунта масла». Но поезд уже ушел, и писатель вместе со своим случайным знакомым Кашиневским решает идти в Петроград пешком по шпалам.

О своем состоянии он пишет: «Чувство отрезанности было у ме-

ня и до прекращения движения. Теперь же я испытывал нечто, вроде того, как если бы меня среди бела дня неожиданно связали по рукам и ногам, заперли в темный угол, бросив на прощанье несколько загадочных страшных фраз...»

Путники начали свое движение в семь часов вечера. «Поднялся резкий в лицо, морозный ветер, светила луна. Мы переходили с левой пары рельсов на правую и обратно, в зависимости от того, как и где лежал снег — плотно или рыхло. Один раз Грин чуть было не попал под поезд, успев в последнюю минуту отскочить в сторону. «Товарных поездов и отде-

Очерк А. Грина «Пешком на революцию»

льных паровозов пробегало вообще, очень много в эту ночь, и к Выборгу, и к Белоострову. Мы часто принимали далекие их, впереди, огни — за огни станций. В грохочущей быстроте и обилии их чувствовалось смятение».

Служащие станций пугали путников слухами о том, что через границу (у Белоострова) могут не пропустить, что в Петрограде взорваны мосты, Петропавловка и т. п. «Общее громогласное мнение: идти в Петроград — идти на верную смерть». Но кое-где на станциях, финны говорили: «Что же мы — смотреть будем? Мы тоже бастуем, — вот поезда пассажирские остановили, а там посмотрим».

Пройдя две-три станции, путники вспомнили, что мосты железной дороги в военное время охранялись часовыми. И хотя их не было видно, они решили выйти на шоссе, но финн из ближайшего к железной дороге селения не понимал по-русски. Во время безу-

пешных попыток объясниться с ним, путников догнал матрос Балтийского флота, двинувшийся в путь вслед за ними с той же станции. «Он мгновенно ободрил нас сильно уже уставших и приунывших. Весь его вид, тон, голос, стремительная решительность и простое отношение к слухам — как к слухам — ясно говорили, что «не так страшен черт, как его малюют».

На станции Рошино путники обрадовались, увидев поезд, который должен был идти до Белоострова: «Еще бы! Поезд сокращал наше пешеходство на целых двадцать верст! Минут через десять мы си-

рос пассажиров заставил нас приуныть: нам сказали, что граница всегда, как правило, закрыта до 6-ти утра и что нет смысла идти к Белоострову теперь, глухой ночью... Матрос исчез. Вдруг он появился, в компании человек пятнадцать солдат и рабочих.

— Ну, пойдете, сказал он, — врут это, пустое все, граница открыта. Я уж узнал, идем, что ли? Я это потому, что уговорились вместе быть, значит, не бросать же товарищей». К этой группе присоединяются несколько человек в шубах и три дамы. «Все пошли быстро, гуськом и парами, как придется».

дели в теплом вагоне третьего класса, а еще через пятнадцать минут нас безжалостно высадили в Куоккала — предпоследней от границы станции. Поезд дальше не шел». Далее Грин пишет о той ситуации, которую он там увидел:

«На станции застали мы множество пассажиров, ссаженных с последних двух поездов. Были тут дамы, офицеры, студенты, рабочие, толстые человеки в шубах и совершенно неопределенные личности. Большинство топталось, не зная, где приткнуться, присесть: все скамьи и часть пола у стен были заняты обескураженными, угрюмо молчавшими пассажирами. Кой-где собирались шепчущиеся, раздраженные кучки, иные бродили по вокзалу, расспрашивая, нельзя ли достать на Петроград лошадей. Не было не только лошадей, но и свободных номеров в местных гостиницах. Кашиневский, сильно усталый, растянулся на столе... Я мрачно сидел у стены, прожевывая баранку. Оп-

Грина все больше одолевает усталость: «Об этой десятиверстной части пути до Белоострова могу я сказать только, что механически передвигал замерзшие ноги, смотрел в чью-то спину и слышал как скрипит, по снегу, взади и впереди, множество урюжых шагов».

«Дамы и шубные человеки отстали от нас в Олилла. Засияла далекая красивая в черной дали иллюминация разноцветных белоостровских огней».

Рассказ Грина переходит к новому напряженному моменту: к встрече с жандармами, растерянность которых писатель отмечает с иронией — тонкой, неброской, а потому еще более ядовитой: «Нырнув куда-то вниз, вбок от моста, предстали мы целой толпой перед постовым дежурным жандармом, который смущенно осмотрев паспорта наши, отправил нас с солдатами, предварительно точно пересчитав всех, к дежурному жандармскому ротмистру.

В помещении, куда мы попали,

теплом и светлом, было человек двадцать жандармов, смотревших на нас кротко, но удивленно.

Едва начались расспросы, как вышел ротмистр, молодой, испуганный человек с потным, сырым лицом.

— Что такое?

— В Петроград.

— Не имею права, — нет, нет, не имею права...

— И помните — идите теперь по шоссе, — на линии вы можете попасть под расстрел. Последнее мы приняли к сведению и вышли сопровождаемые жандармом, указавшим, как пройти по шоссе. В дальнейший путь отправилось нас всего шестеро — мы трое прежние, да еще три солдата, остальные, струсив, остались на Белоострове».

Уже на пределе сил Александр Грин и его спутники добрались до чайной близ Парголово, где «за горячим чаем, свишней и ситным несколько отошли». Но уже по дороге из Шувалова в Озерки Грин в толпе потерял своих спутников. Во время дальнейшего пути он видел, как сжигают Ланской полицейский участок, перестреливаются с засеившими в некоторых домах полицейскими. «Пройдя гремящий выстрелами по всем направлениям Лесной, я увидел на Нижегородской улице, против Финляндского вокзала, нечто изумительное по силе впечатления: строило «гулкий полк. Он шел под красными маленькими значками». Революция побеждала.

Писатель осуществил свое стремление добраться до Петрограда: к 12 часам дня он уже мог присесть на диван в квартире своих знакомых, но тут же «ткнулся головой в стол и проспал 18 часов».

Очерк Грина — талантливое, и одновременно документальное описание событий Февральской революции, свидетелем которых он был во время своей трудной одиссеи.

С. ВИКТОРОВ